

О ДАТИРОВКЕ МЕСТНОЙ ИКОНЫ «ДИМИТРИЙ ПРИЛУЦКИЙ С ДЕЯНИЕМ» ИЗ ВОЛОГОДСКОГО СПАССКОГО ПРИЛУЦКОГО МОНАСТЫРЯ

До середины 1920-х годов краеведы и историки считали икону «Димитрий Прилуцкий с деянием» произведением Дионисия Глушицкого (1362–1437). Первым решительно отверг эту атрибуцию и приписал изображение «московскому Дионисию» А. И. Анисимов¹. Правильность его наблюдений стала очевидной после раскрытия в 1927 году авторского живописного слоя иконы реставратором А. И. Брягиным и публикации в 1929 году статьи В. А. Богусевича, содержащей обстоятельное описание, разбор живописных особенностей и датировку произведения².

Насколько мне известно, с тех пор сомнения в авторстве Дионисия высказывались лишь дважды, и оба раза — по недоразумению. Не решившись заподозрить ошибку в рассуждениях о редакциях Жития Димитрия Прилуцкого В. О. Ключевского, отождествившего церковь, для которой создавалась икона, с каменным собором, построенным в 1542 г.³, И. Е. Данилова констатировала, что к этому времени Дионисия не могло уже быть в живых⁴. Следующей жертвой излишнего доверия к авторитетам оказался в конце 1960-х годов пишущий эти строки. Знакомый тогда с произведением Дионисия по черно-белой фотографии, он опрометчиво пересказал безосновательное утверждение одного из компетентных реставраторов, будто бы колорит иконы Димитрия Прилуцкого не характерен для работ Дионисия и свидетельствует против его авторства⁵.

Что же касается предложенных В. А. Богусевичем для датировки произведения хронологических рамок: 1485–1487–1503⁶, полученных путем сопоставления рассказа минейной редакции Жития Димитрия о строительстве третьей монастырской соборной церкви, летописных известий о казанских походах Ивана III и сообщения «Вологодского летописца» (компиляция, составленная Н. И. Суворовым и напечатанная в 1873 году) о «стретении» на Вологде образа Димитрия, возвращенного великим князем из Москвы 3 июня 1503 года, то с ними не согласился только В. Н. Лазарев. Справедливо усомнившись в достоверности известия 1503 года и несправедливо упрекнув В. А. Богусевича в «неверной расшифровке сюжета предпоследнего клейма», В. Н. Лазарев указал на «стилистическую близость» изображения Димитрия к иконам митрополитов из Успенского собора Московского Кремля и высказал предположение, что образ Димитрия создавался «за несколько лет до 1485 года»⁷. В дальнейшем, однако, исследователи

¹ Интервью в вологодской газете «Красный Север» № 166 за 1927 г. В записной книжке И. В. Федышина сохранилась заметка, что А. И. Анисимов еще 17 декабря 1926 г., до удаления басменного оклада и раскрытия иконы от записи (согласно реставрационному дневнику А. И. Брягина, расчистка была им начата 21 февраля 1927 г., а не в 1924 г., как ошибочно указано в каталоге выставки «Дионисий “живописец пресловуший”») (См.: Каталог «Дионисий “живописец пресловуший”». М., 2002. № 35. С. 152. — Н. Г.) указал на близость ее к изображениям митрополитов Петра и Алексия «с деянием» из Успенского собора Московского Кремля. Тогда же мнение его поддержал К. К. Романов, отметивший также типологическое сходство изображения Димитрия с образом Кирилла Белозерского (из Успенского собора Кириллова Белозерского монастыря. Ныне в ГРМ. Инв. ДРЖ–2733. — Н. Г.). 25 июня 1927 г. наблюдения К. К. Романова дополнил М. В. Алпатов, по мнению которого техника письма лика Димитрия напоминает технику письма лика Кирилла; в целом же прилуцкая икона — «родная сестра» иконы Сергия Радонежского (Из местного ряда Троицкого собора Сергиевой лавры. Инв. 3031. — Н. Г.). Благодарю за эту информацию Н. И. Федышина.

² Богусевич В. А. Живопись конца XV столетия в привологодском районе // Северные памятники древнерусской станковой живописи. Вологда, 1929. С. 14–19.

³ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 270–271.

⁴ Данилова И. Е. Дионисий и его творчество. М., 1951. Фонд диссертаций РГБ. Машинопись. С. 70–72.

⁵ Голейзовский Н. К. Заметки о Дионисии // Византийский временник. М., 1971. Т. 31. С. 186.

⁶ Богусевич В. А. Живопись конца XV столетия. С. 17.

⁷ Лазарев В. Н. Дионисий и его школа // История русского искусства. М., 1955. С. 513–514.

вернулись к «ценному сообщению» Вологодского летописца о встрече 3 июня 1503 года на Вологде присланной из Москвы иконы, «которое косвенно указывает дату ее исполнения»⁸, и на страницах каталога выставки «Дионисий “живописец пресловущий”» единодушно признали, что произведение создавалось в Москве «около 1503 года»⁹.

Между тем, происхождение этого известия не связано с летописями. Первоисточником его послужило местное предание, пересказанное в многочисленных публикациях вологодских краеведов XVIII–XIX в. и в «Сказании о сретении чудотворного образа преподобного и богоносного Дмитрия игумена, иже на Прилуце, вологодскаго чудотворца, и о новосозданной церкви во обители его», дошедшем до нас в составе так называемой Сводной редакции Жития Дмитрия¹⁰. Вслед за пересказом Чуда о построении третьей монастырской церкви, заимствованного из минейной редакции Жития, в «Сказании» помещен рассказ о казанском походе Ивана III (названного в тексте «государем царем и великим князем»), явлении ему преподобного Дмитрия и отправке в 1503 году на Вологду «новоизображенной» иконы, где ее встретил «епископ Стефан Вологодский и Великопермский»¹¹.

Публикации, появившиеся в середине XIX века, свидетельствуют о знакомстве исследователей с этим рассказом, полным анахронизмов. В 1848 году прозвучало утверждение, что «в благодарность за победу, дарованную от Бога над казанцами, которую великий князь приписывал молитвам и заступлению св. Дмитрия Прилуцкого, Иоанн Васильевич прислал в Вологду новую икону преподобного Дмитрия»¹². Подробное изложил содержание «Сказания» А. Н. Муравьев, обративший внимание на рассказ о чудесах, сопровождавших строительство третьей монастырской церкви. Согласно А. Н. Муравьеву, «по возвращении из Казани, державный вспомнил бывшее ему явление преподобного, в час победы, и прислал в обитель Вологодскую икону св. Дмитрия, написанную так, как он ему виделся, и богато украшенную, с большею милостынею для братии: это было в 1503 году»¹³.

С XVIII столетия историкам было известно о существовании другой версии предания, согласно которой «в 1503 году, предпринимая поход на Казань, великий князь Иоанн Васильевич III, по особому откровению, вытребовал из вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря икону преподобного Дмитрия Прилуцкого, писанную преподобным Дионисием Глушицким, которая и сопутствовала ему в продолжение всего похода. В благодарность за победу, дарованную от Бога над казанцами, которую великий князь приписывал молитвам преподобного Дмитрия, Иоанн Васильевич по возвращении в Москву, украсив икону его золотом и серебром, возвратил ее в Вологду»¹⁴.

Эту версию впервые опубликовал, сопроводив запутанными комментариями, А. А. Засецкий: «7011 июня в 3. Сретение бысть на Вологде образу Преподобного Дмитрия Прилуцкаго, которой привезен из Москвы, и значитя по старинным святцам, что оный

⁸ Каталог выставки «Живопись вологодских земель XIV–XVII веков». М., 1976. С. 42.

⁹ Каталог выставки «Дионисий “живописец пресловущий”». С. 46, 152, 154.

¹⁰ По сведениям Т. Н. Украинской, один из выявленных ею списков Сводной редакции – РНБ. Ф. I. 774 – датируется серединой XIX в. (*Украинская Т. Н. Житие Дмитрия Прилуцкого – памятник вологодской агнографии // Дрвлекранилище Пушкинского Дома. Материалы и сообщения. Л., 1990. С. 18*); другой – РГБ. Ф. 272. № 351 – XVII в. Отрывок из Сказания об иконе Дмитрия был ею опубликован по этому списку (Л. 50 об.–53 об.) (См.: Житие преподобного отца нашего Дмитрия Прилуцкого, вологодскаго чудотворца. Вологда, 1996. С. 107–111).

¹¹ «По возвращении же из Казани з благополучною над татары мноюю победою присылает благочестивый же и великий государь царь и великий князь Иоанн Васильевич всеа России на Вологду во обитель Спасову по видению своему новоизображенную и украшенную златом и сребром сего преподобного Дмитрия святую икону» (Житие преподобного отца нашего Дмитрия Прилуцкого. С. 108–109). Здесь и далее в цитатах курсив мой. – Н. Г.

¹² Зарлянд Э. Семисотлетие Вологды // Вологодские губернские ведомости. 1848. № 1. Ч. II. С. 3.

¹³ Муравьев А. Н. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855. С. 445.

¹⁴ Суворов Н. И. Путеводитель по Вологде // Вологодские губернские ведомости. 1874. Прибавл. № 18. С. 297.

образ встречен Стефаном Епископом и весь град изыде в сретение, и на том месте церковь поставиша, и уставися ежелетное празднество. По летописцам же значится того году епископом Алексей, которой якобы и первым был на Вологде, а по Устюжскому летописцу приупоминается первым Иоасаф, которой переведен с Устювыми на Вологду, и начиная с первого Стефана, просветившаго Пермю числом 11 и наречен Вологодский и Великопермский. А о преждеупомянутом образе Преподобнаго Дмитрия, как слышно, что *бран был в поход, и был при взятъе города Казани*¹⁵.

Сообщение о празднике Сретения образа Дмитрия Прилуцкого 3 июня действительно встречается — иногда с упоминанием епископа Стефана и под 7011 (1503) годом — в «старинных святцах» (но не древнее конца XVI века)¹⁶. Именно в таком варианте в XVII веке оно было включено в Мазуринский летописец¹⁷.

Однако ни вопрос о достоверности этой даты, ни противоречия между двумя версиями предания об иконе Дмитрия не возбудили интереса ученых, удостоивших критического замечания лишь неуместное упоминание в книге А. А. Засецкого епископа Стефана, ошибочно исправленного публикатором на Алексия, тогда как ни один из них вологодским епископом в 1503 году не был и принимать участия в сретении иконы не мог. Устранив эти досадные анахронизмы¹⁸, большинство исследователей согласилось на том, что в 1503 году, отправляясь в *первый* поход на Казань, Иван III *по особому откровению вытребовал* из Спасского Прилуцкого монастыря образ Дмитрия Прилуцкого с деянием *работы Дионисия Глушицкого*, а после взятия Казани *вернул* икону, украсив ее богатым окладом; день встречи образа, прибывшего из Москвы в Вологду 3 июня 1503 года, стал ежегодным праздником, сопровождающимся крестным ходом из Вологды в Прилуцкий монастырь¹⁹.

Между тем, знатокам вологодской старины следовало бы обратить внимание, что постройка третьего монастырского собора, изображенная в предпоследнем клейме иконы, происходила через пятьдесят лет после смерти Дионисия Глушицкого, который, следовательно, не мог быть автором этого произведения. Вразумительного объяснения требовали и разногласия между двумя вариантами предания. Брал ли Иван III в *первый* казанский поход 1503 года из монастырского

¹⁵ Засецкий А. А. Исторические и топографические известия по древности о России; и частно о городе Вологде, и его уезде и продолжении оного по известие сие. 2-е изд. М., 1782. С. 37–38.

¹⁶ Ср., например, в списках конца XVI в. БАН. 21. I. 10 (См.: Украинская Т. Н. Житие Дмитрия Прилуцкого — памятник вологодской агиографии. С. 23. Прим. 33); РНБ. Погод. 1594. См. также: Сергей [Спасский]. Полный месяцеслов Востока. 2-е изд. Владимир, 1901 (далее — ПМВ). Т. II. Ч. 1. С. 166; Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки. М., 1917. Отд. III. Ч. 2. С. 424. Но встречаются исключения. В рукописных святцах второй половины XVII в. из собр. Московской духовной академии (РГБ. Ф. 173. I. № 201) указан 1545 г. (7052=ЗНБ). Ср.: ПМВ. С. 41.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 31. С. 124. Без указания года под 3 июня праздник «Стречение иконы преподобнаго отца нашего Дмитрея, иже на Вологде» упомянут в иконописном подлиннике конца XVI в. (Иконописный подлинник новгородской редакции по Софийскому списку конца XVI века, с вариантами из списков Забелина и Филимонова. М, 1873. С. 109).

¹⁸ Первым указал, что в год сретения иконы преп. Дмитрия епископом в Вологде был Никон, хиротонисанный 5 мая 1502 года, П. И. Савваитов (См.: Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. СПб., 1844. С. 25).

¹⁹ Щекатов А. [М]. Словарь Географический Российского государства. М., 1807. Ч. 5. Стб. 1124; Амвросий, архим. История Российской иерархии. М., 1815. Ч. 6. С. 221–222; Суворов Н. И. Крестный ход, 3 июня, из Вологды в Спасоприлуцкий монастырь и чудотворный образ препод. Дмитрия Прилуцкого // Вологодские губернские ведомости. 1865. № 11. С. 433–439; Толстой М. В. Путевые письма с Севера. М., 1868. С. 28–29; Суворов Н. И. Вологодский летописец // Вологодские губернские ведомости. 1873. № 9. С. 358–359; Суворов Н. И. Путеводитель по Вологде. С. 297; Описание вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, составленное в 1844 году П. [И.] Савваитовым, исправленное и дополненное в 1884 г. Н. [И.] Суворовым. См.: Вологда, 1884. С. 29–30 (Ср.: 4-е изд. Вологда, 1914. С. 40–42, 46); Степановский И. К. Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Вологда, 1890. С. 286; Лебедев В. К. Иконописные труды преп. Дионисия Глушицкого, вологодского чудотворца // Вологодские губернские ведомости. 1900. № 6. Прибавл. С. 152; Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем. СПб., 1892. Ч. 2. № 1174. С. 333; Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 121.

собора икону Дмитрия Прилуцкого, и если брал, то какую — *местный образ Дмитрия с деянием* или *чудотворный надгробный образ письма Дионисия Глушицкого*? Оригинал, копию или *новую* икону, написанную по великокняжескому видению, встречали в 1503 году в Вологде?

Согласно летописям, личного участия Иван III в казанских походах не принимал и очевидцем явления быть не мог. В 1503 году похода на Казань вообще не предпринималось, а предыдущий, начавшийся 11 апреля 1487 года и закончившийся взятием города 9 июля²⁰, не был *первым*. Но возможность участия в этом походе иконы Дмитрия с деянием полностью исключалась тем, что строительство храма, изображенное в предпоследнем ее клейме, происходило во время этого похода. Очевидно, что великий князь не мог «затребовать» образ, который не был еще написан. Если же в Казань брали другую монастырскую икону, то это мог быть только надгробный образ работы Дионисия Глушицкого. Именно этот образ, а не местная икона с деянием, считался чудотворным, потому что именно его вологжане перенесли «от гробницы...на Вологду» для защиты города от «врагов государевых» зимой 1609 года²¹.

Такое предположение подтверждается текстом новой, значительно более подробной и достоверной версии заметки об установлении праздника Сретения иконы Дмитрия Прилуцкого, обнаруженной мной в Российском государственном историческом архиве. Выяснилось, что вызывающая сомнения дата встречи иконы — «в лето 7011» — действительно не верна. В «старинных святцах» она распространилась, по-видимому, из-за ошибки писца, перепутавшего, как это нередко случалось, похожие буквы цифири. В действительности икона прибыла в Вологду не в 1503 (7011, или **ЗАИ**), а в 1580 (7088, или **ЗПИ**) году.

Под 3 июня в Прологе конца XVI — начала XVII века за март-август из рукописного собрания Синода, № 1296, сообщается, что сретение иконы произошло при следующих обстоятельствах: «Принесен бысть чудотворной образ преподобного Дмитрия с Москвы в лето **ЗПИ** в царство Иоанна Васильевича Московского и всеа России и при сынех его, благоверных царевичех Иоане Ивановиче и Феодоре Ивановиче, и при митрополите Антонии Московском, и при епископе Варлааме Вологодском, и при игумене Иоакиме. Принесен бысть образ преподобного Дмитрия с Москвы от царя Ивана Васильевича, и тогда епископ Варлаам со всем освященным собором срете икону с великою честью, и того ради уставися празднество»²².

Все перечисленные здесь лица действительно существовали 3 июня 1580 года. Несмотря на небрежный характер и неполноту записи (повтор, отсутствие упоминания о казанском походе) она позволяет с достаточной уверенностью предположить, что речь идет именно о надгробном образе, который «был при взятии Казани», но не с Иваном Васильевичем III в 1503, а с Иваном Васильевичем IV в 1552 году. Здесь уместно отметить, что еще в первой половине XIX века

В упомянутой В. К. Лебедевым и В. А. Богусевичем Описи Прилуцкого монастыря 1856 г. (ГАВО. Ф. 512. № 734. — Н. Г.) (С. 17) об иконе, перемещенной после пожара 1811 г., было записано: «Подле южных дверей в затворе на южной стене образ древнего письма, присланный в 1503 г. из Москвы великим князем Иоанном III Васильевичем после победы, одержанной над татарами в Казани».

²⁰ ПСРЛ. Т. 24. С. 205; Т. 25. С. 331; Т. 26. С. 278. Осада началась 18 мая.

²¹ АСЭИ. СПб., 1836. Т. II. № 99. С. 196: «...А здесе, на Вологде, преподобный Дмитрей милость свою явил, обещался с нами на врагов государевых стояти: явился духовному старцу у гробницы, велел образ свой от гробницы принести принести на Вологду, и тот образ архиепископ и воевода и со всем вологодским народом и с иногородними стретив с великою честью, и со слезами, и с молебным пением, поставили на Вологде на площади, у Всемилоствиваго Спаса в церкви, генваря в 4 день, и ныне тот образ стоит на уверение и на поклонение всем православным крестьяном; а писал, сказывают, тот образ преподобнаго Дмитрея преподобный Дионисей Глушицкий, и во имя преподобнаго Дмитрея хотят миром храм соорудити на Вологде на площади».

²² РГИА. Ф. 834. Оп. 3. № 1296. Л. 306 об. — 307. Упомянутый здесь царевич Иван Иванович, как известно, погиб от руки отца 19 ноября 1582 г.; Антоний был митрополитом с 1572 г., умер в начале 1581 г. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 6); Варлаам — епископ вологодский с 1574 по 1584[?] (Там же. Стб. 730); Иоаким — игумен Прилуцкого монастыря с 1574 по 1582 г. (Там же. Стб. 738).

некоторым историкам было достоверно известно, что брал икону в поход и вернул ее не великий князь Иван III, а царь Иван IV²³.

И все же, признав недостоверность даты «1503 год», нет оснований утверждать, что путешествие в Казань с Иваном Грозным было в истории надгробной иконы работы Дионисия Глушицкого первым и единственным. Ведь для того, чтобы в 1552 году рассчитывать на помощь от образа преподобного Дмитрия при взятии Казани, требовался весомый исторический прецедент. Поэтому весьма вероятно, что эту чудотворную икону брали в один из предшествующих казанских походов, тот, который завершился *первым* взятием города, и победу связали с ее присутствием, обеспечившим русским воинам помощь святого Дмитрия.

Рассказ о таком чуде, произошедшем 9 июля 1487 года, присутствует в минейной редакции Жития Дмитрия Прилуцкого, а связанное с этим чудом единым сюжетом о двух видениях больного инока Прилуцкого монастыря другое посмертное чудо — об участии Дмитрия в строительстве третьей монастырской церкви весной 1487 года — изображено на местной иконе «Дмитрий Прилуцкий с деянием» работы Дионисия в предпоследнем, пятнадцатом ее клейме. Сюжет этот давно привлек внимание исследователей, потому что дает реальную хронологическую веху для датировки этого произведения.

По рассказу древнейшего из сохранившихся списков минейной редакции Жития Дмитрия Прилуцкого (1494 года), когда в Прилуцком монастыре начали строить, взамен сгоревших ранее, третью по счету «великую» деревянную церковь над мощами святого, игумен и братия были озабочены недостатком строительного материала и пищи. В то время одному из иноков, больному и лежащему в келии, было видение «некоего старца святолепна, носяща целыа осяди (бревна, слези — Н. Г.) под пазухою от реки горе. Предстоящий же ту глаголаху: Видите ли, како сам Дмитрие влачит древие»²⁴. И с этого дня дело пошло успешнее.

«По совершении же божественныа церкви», продолжает составитель Жития, тот же инок «яко на яве видить, яко бы внутри церкви при стенах округ по земли стояще, вси святостию обложени, иноци и старци». И оглядев всех, он подумал, что уместно было бы присутствовать здесь и Дмитрию. Но тотчас из алтаря, где находился гроб блаженного, раздался громopodobный голос: «Дмитриа ли ищещи? Ныне чудотворецъ Дмитреи на Казани». А «в то же время лета того», поясняет автор, «ходившим руским воем ратию на Казань по Волзе на татары. Паки же по днех тех прииде вестъ, яко в той день было пособие много Руси над погаными на Казани, в он же день инок виде видение»²⁵. Речь идет, несомненно, о первом взятии Казани 9 июля 1487 года²⁶, предшествовавшем окончательному ее покорению Иваном Грозным (возможно, именно поэтому позднейшие вологодские источники называли поход 1487 «первым»). Как свидетельствует запись, обнаруженная мной в Псалтыри с воследованием XVI века из Троицкого Сергиева монастыря, по случаю победы 9 июля 1487 года действительно

²³ Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. М., 1850. Ч. I. С. 117. Составитель «Истории Российской иерархии» (Ч. VI. М., 1815), пересказав на с. 221–222 легенду о возвращении иконы Дмитрия Иваном III в 1503 г. после окончания казанского похода, на с. 223, в сообщении о пожаре 1811 г. в Прилуцком монастыре, отметил, не обратив внимания на противоречие, что эта икона, «возвращенная в оный монастырь Царем Иоанном Васильевичем, чудесным образом спасена».

²⁴ РНБ. Сол. № 578/537. Л. 237 об. В опубликованном варианте по списку XVI в.: Украинская Т. Н. Житие Дмитрия Прилуцкого — памятник вологодской агиографии. С. 38.

²⁵ РНБ. Сол. № 578/537. Л. 238. Украинская Т. Н. Житие Дмитрия Прилуцкого — памятник вологодской агиографии. С. 38. Оба чуда, связанные с постройкой третьей соборной церкви, пересказываются в «Слове похвальном о чудесах предивнаго житиа» Дмитрия (Там же. С. 51–52).

²⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 331; ПСРЛ. Т. 26. С. 278; и др. Нет оснований связывать, как это делали некоторые исследователи, рассказ Жития Дмитрия Прилуцкого с предыдущим, менее успешным походом на Казань, когда 21 мая 1469 г. был захвачен и сожжен городской посад (ПСРЛ. Т. 25. С. 282; ПСРЛ. Т. 26. С. 227 и др.); постройку в монастыре пусть и деревянной, но «великой» церкви не успели бы завершить к 21 мая.

было установлено церковное празднование: «В той же день великаго князя воеводы в лето 6995 были в Казани, и град взяли, и уставиша праздни[к] празновати»²⁷.

Можно полагать, что ежегодное празднование казанской победы 9 июля 1487 года, связанной, согласно житию Димитрия, с его чудотворной надгробной иконой письма Дионисия Глушицкого, просуществовало вплоть до возвращения этой иконы (или ее «новописанной» копии) 3 июня 1580 года, по случаю чего был установлен новый общецерковный праздник. Не исключено, что именно тогда начались споры о том, оригинал или копия были возвращены в монастырь, послужившие поводом для возникновения в конце XVI века двух взаимоисключающих вариантов легенды.

После перенесения 4 января 1609 года в вологодский храм Спаса на Сенной площади следы надгробной иконы теряются. Богато украшенная, она могла быть похищена или погибнуть во время «литовского разорения», а связанное с ней предание при поддержке местных историографов перешло на другую чтимую монастырскую святыню — икону «с деянием» из местного ряда соборного иконостаса, списки с которой не позднее второй половины XVI века появились в вологодских церквях, построенных после взятия Казани в память Димитрия Прилуцкого и Сретения его образа²⁸.

Как же теперь, после утраты привычного ориентира — «около 1503 года» — датировать икону, созданную Дионисием для местного ряда монастырского Спасского собора, построенного 9 июля 1487 года и освященного, вероятно, в день храмового праздника — 1 августа? Живописец пользовался редакцией Жития, составленной между 1487 и 1494 годами. Скучные данные, содержащиеся в описании исцелений, случившихся после постройки храма, не позволяют уточнить дату произведения, отождествив персонажей последнего, шестнадцатого клейма с историческими лицами, упоминающимися в других источниках. Остатки надписи («Приведоша...») склоняют к мысли, что изображено конкретное исцеление²⁹. Как бы то ни было, здесь в свойственном Дионисию духе обобщаются нынешние и будущие чудеса, иллюстрируя обращенные к чудотворцу слова сопутствующей его Житию Похвалы: «ты от гроба своего бесчислена исцеления недужным подаеши. иже с верою притекающим»³⁰. Жест правой руки Димитрия, указывающий на строительство храма, в сочетании с изображением колонны (символ древа жизни, твердости веры) позади группы предстоящих святому может означать обещание спасения всем стойким приверженцам животворящего креста Господня.

Пролить дополнительный свет на время создания произведения могло бы имя его заказчика. Первенство среди заинтересованных в этой иконе лиц принадлежит администрации обители во главе с игуменом. После смерти 5 июля 1481 года вотчича Прилуцкого монастыря князя Андрея Меньшого и перехода обители под патронат Ивана III настоятелем обители до начала 1490-х годов был Ефросин³¹, о котором, к сожалению, не известно ничего, кроме того, что именно под его руководством здесь возвели «великую» соборную церковь и составили новую редакцию Жития

²⁷ РГБ. Ф. 304. № 321. Л. 1201. В летописях факт установления праздника 9 июля не отмечен; лишь в своде 1518 г. и в Софийской II упомянуто о том, что Иван III, получив (20 июля) известие о победе, «рад быв и, посла к митрополиту, повеле молебная свершити. Митрополит же повеле звонити во вся колоколы, и по всему городу по велению великого князя молебная свершиша и хвалу Богу въздаша» (ПСРЛ. Т. 28. С. 368; ПСРЛ. Т. VI. С. 238).

²⁸ Один из них, размером 1 аршин 13 вершков х 1 аршин 2 и 1/2 вершка, в конце XIX в. находился по левую сторону царских врат в иконостасе церкви Константина и Елены, построенной на месте храма Сретения (Степановский И. К. Вологодская старина. С. 91–92), другой, размером 1 аршин 13 вершков х 1 аршин 8 и 7/8 вершка, оказался в коллекции Н. П. Лихачева (см.: Лихачев Н. П. Материалы для истории русского иконописания. СПб., 1906. Т. I. Табл. CLXXVII. № 306. Ныне — в ГРМ. Инв. ДРЖ 1343). Для сравнения: размер иконы Прилуцкого монастыря — 1, 5 аршина х 1 аршин. Еще одна икона с поясным изображением Димитрия в 12 клеймах деяния, размером 100 х 84 см, второй половины XVI в., хранится в музее Реклингаузена, ФРГ (Инв. 283. См.: Ikonen-Museum. Recklinghausen. 6 Ausgabe. Recklinghausen, 1981. S. 133).

²⁹ Исследователи предполагали, что здесь изображено «Исцеление расслабленного сына боярского из Топшенской волости» (Богусевич В. А. Живопись конца XV столетия. С. 15) или «Исцеление немого Ивана» (Кочетков И. А. Иконописец как иллюстратор жития // ТОДРА. Т. XXXVI. Л., 1981. С. 331–332. Прим. 10).

³⁰ РНБ. Сол. № 578/537. Л. 242; Украинская Т. Н. Житие Димитрия Прилуцкого — памятник вологодской агиографии. С. 41.

³¹ Рыков Ю. Д. Новые акты Спасо-Прилуцкого монастыря XV в. Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1982. Вып. 43. С. 97. Прим. 13. С. 101. № 7 — жалованная грамота Ивана III на имя игумена Ефросина.

Дмитрия Прилуцкого, содержащую рассказ о чудесах, сопровождавших строительство этого храма, а также новое, украшенное историческими параллелями, похвальное слово, где, в отличие от предыдущего, подчеркивался общерусский характер почитания Дмитрия («ныне днесь духовнаа трапеза простерта по всей земли Русскои»)³².

Соблазнительно было бы отождествить прилуцкого игумена Ефросина с известным ученым книгописцем Ефросином, которому десятью годами ранее довелось побывать игуменом другого Прилуцкого монастыря — Угличского Рождественского³³; однако данных для такого отождествления пока недостаточно.

Вкладчиком иконы мог быть вотчик монастыря — великий князь Иван III. Н. И. Федышин отмечал, что «вкладчиком был либо сам Иван III, либо кто-то из его ближайшего окружения, возможно, молодой наместник великокняжеского престола Василий Иванович. Последнее предположение нам представляется более вероятным, иначе неясно, почему летопись умалчивает об имени вкладчика»³⁴. Но у летописца не было причин скрывать имя Василия III. Обе кандидатуры следует признать маловероятными прежде всего потому, что среди «деяний» преподобного на иконе отсутствует изображение Чуда о спасении Вологды от войск Дмитрия Шемяки³⁵, рассказ о котором изначально присутствовал не только в Житии Дмитрия Прилуцкого, но и в составленной прилуцким игуменом Макарием службе святому Дмитрию³⁶.

Отказаться от сюжета, где смертельный враг московского великокняжеского дома Дмитрий Шемяка, анафематствованный 29 декабря 1447 года³⁷ несколькими русскими церковными иерархами, представлен противником вологодского и общерусского святого, было бы противоестественно не только для Ивана III, руководившего в 1452 году военными действиями против Шемяки, но и для подчиненных великому князю с июля 1481 года властей вологодского Прилуцкого монастыря, которым, к тому же, едва ли захотелось бы из-за подобной тенденциозной купюры выслушивать впоследствии еще и упреки обиженных вологжан³⁸. Не мог быть заказчиком иконы и ростовский архиепископ Иоасаф, который вряд ли позволил бы себе даже косвенным образом публично выразить сомнение в правоте своего учителя — ферапонтовского игумена Мартинаиана, подписавшего анафему Дмитрию Шемяке.

Неведомый заказчик, подаривший драгоценную икону монастырю, вероятно, был причастен к взятию Казани 9 июля 1487 года и заинтересован в прославлении монастыря, принадлежащего к ростовской епархии. Он не разделял взглядов московского самодержца на порядок наследования престола и не зависел от великокняжеской цензуры. Главное, что выделяло его среди других возможных заказчиков, была личная заинтересованность в изъятии сюжета, где законный претендент на великокняжеский стол Дмитрий Шемяка представлялся грабителем, покусившимся на чужое добро. Ощутить вопиющую несправедливость такой оценки способен был только тот, кто сам пережил подобное унижение; тот, кто, обладая, подобно

³² Украинская Т. Н. Житие Дмитрия Прилуцкого — памятник вологодской агиографии. С. 42.

³³ Лурье Я. С. Ефросин — составитель сборников и Ефросин — игумен и писец // ТОДРЛ. Т. XLI. Л., 1988. С. 347–356. См. также: Каган М. Д., Лурье Я. С. Ефросин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 227–236. Не лишено вероятности, что в конце XV в. Ефросин был настоятелем Ферапонтова монастыря: это имя дважды упоминается в ферапонтовском синодике 1641 г. (РНБ. НСРК. № 103) среди игуменов (Л. 17 об.) и настоятелей-вкладчиков (Л. 31).

³⁴ Каталог выставки «Живопись вологодских земель XIV–XVII веков». С. 42.

³⁵ Дмитрий Юрьевич Шемяка «Вологду воевал» в 6958–1449 или 1450 г. (См.: ПСРЛ. Т. VIII. С. 123; Т. 37. С. 89, 107, 114, 134).

³⁶ РГБ. Ф. 304. № 765. Л. 204 об. Ср.: Кочетков И. А. Иконописец как иллюстратор жития. С. 331.

³⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. I. С. 75. Среди составителей этого документа упомянут игумен Троицкого Сергиева монастыря Мартинаиан, бывший ферапонтовский настоятель.

³⁸ На позднейших вологодских иконах Дмитрия Прилуцкого «с деянием» Чудо о спасении Вологды от войск Шемяки обычно присутствует (См., например: ВГИАХМЗ. Инв. 6127. XVII в.).

Шемяке, законными наследственными правами на великокняжеский престол *de jure*³⁹, *de facto* был этих прав лишен.

Думается, именно скрытый протест против попрания законных прав на престол старшего представителя рода определил отношение заказчика иконы к памяти Дмитрия Шемяки, совпадавшее с мнением Пафнутия Боровского и его духовного сына — Дионисия⁴⁰, которому исполнение образа было доверено не случайно. Богатый и претендующий на великокняжеский стол заказчик был теснее других связан с Дионисием и не впервые поручал ему писать иконы для подарков тем обителям, откуда слава о его щедрости распространялась по всей Руси.

Перечисленные индивидуальные приметы предполагаемого заказчика иконы настойчиво указывают на князя Андрея Угличского, чей боярин Василий Никитич Оболенский, двоюродный брат ростовского архиепископа Иоасафа, во время победоносного казанского похода 1487 года командовал полком правой руки⁴¹.

Склонность князя Андрея канонизовать местных святых, покровительствовать монастырям, одаривая их ценными иконами, причем не только на территории своего удела, но и за ее пределами, чрезвычайно беспокоила и раздражала Ивана III, усматривавшего в этих поступках не проявления благочестия, а хорошо продуманные политические уловки, рассчитанные на создание благоприятного общественного мнения, которое обеспечило бы князю Андрею поддержку в случае, если бы он, воспользовавшись после смерти Ивана III правом старшего в роде, попытался завладеть великокняжеским престолом. Эта обеспокоенность отразилась в формулировках договорных грамот, которыми по инициативе Ивана III они обменялись 30 ноября 1486 года. Здесь подчеркивалось, что угличский князь обязуется строго соблюдать право великого князя, его сына и их детей на перешедшие в их владение выморочные земли, в том числе — на бывшие вологодские владения князя Андрея Меньшого, и белозерские — князя Михаила Андреевича, «блюсти, и не обидети, *ни вступатися, ни под[ъ]искивати никоторою хитростию*»⁴²

Косвенным подтверждением тому, что прославленный чудесами Прилуцкий монастырь действительно притягивал внимание угличского князя, служит необъяснимая привязанность двух его сыновей к этой вологодской обители. Пребывая после ареста и гибели отца в пожизненном заточении в родном городе Дмитрия — Переславле Залесском, именно ее избрали они местом постоянных паломнических поездок; старший — Иван (впоследствии святой Игнатий Прилуцкий) — был здесь пострижен; оба похоронены у гроба преп. Дмитрия⁴³.

Что же касается загадочного молчания письменных источников о вкладчике иконы, то оно подтверждает предположение о том, что наиболее вероятным заказчиком иконы был князь Андрей Угличский, и объясняется желанием монастырских властей уберечь обитель от возможных проявлений великокняжеского гнева, скрыв опальное имя дарителя, уничтоженного Иваном III.

Если высказанные здесь догадки о заказчике иконы верны, время ее создания можно уточнить: между 9 июля 1487 (взятие Казани и окончание постройки собора) и 19 сентября 1491 года (арест князя Андрея). Весьма вероятно, что уникальное стечение обстоятельств,

³⁹ Будучи старше своего двоюродного брата Василия Темного как минимум на пять лет, Дмитрий Шемяка обладал большими правами на великокняжеский стол. Ср: Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 106.

⁴⁰ См. об этом: Голейзовский Н. К. Дионисий // Родина. 1999. № 6. С. 80.

⁴¹ Разрядная книга 1475–1598 г. М., 1966. С. 21.

⁴² ДДГ. № 82. С. 323, 324; № 83. С. 326, 327.

⁴³ Подробнее о них см.: Голейзовский Н. К. Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 21–23.

связанных с чудесами, случившимися при строительстве церкви и установлением ежегодного праздника, занесенного в святцы, ускорило исполнение иконы, которая могла прибыть в обитель либо к очередному празднованию памяти Дмитрия Прилуцкого (11 февраля 1488 года), либо к празднованию первой годовщины казанской победы (9 июля 1488 года), либо к храмовому празднику (1 августа 1488 года). В последующей истории монастыря более подходящего повода для создания образа не возникало вплоть до постройки каменного собора (1537–1542)⁴⁴. Но датировать икону 1540-ми годами нет никаких оснований.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 37. С. 198: «Лета 7045. Майя в 29 день в Прилуцком монастыре начата бысть здатися каменная церковь соборная Произхождение честных древ при митрополите Данииле Московском игуменом Мисаилом, а совершена в 7050 году при игумене Афанасии» (Летописец Ивана Слободского. Аналогичное известие в Вологодской летописи см.: Там же. С. 181. Деревянный храм 1487 г. удостоился упоминания летописцем лишь в 1525 г., когда в монастыре «трапезу и церковь теплую обивали тесом болшим» (ПСРЛ. Т. 28. С. 161).

